

мечу только, что в понятии полиметрической конструкции должны быть, по-моему, более четко выделены два обязательных признака: 1) наличие в пределах единого произведения отрывков, написанных разными размерами, и 2) четкое композиционное ограничение друг от друга таких разноразмерных отрывков (минимум такого композиционного разграничения — строфическая граница). В связи с этим сомнительно, например, что «Гармоника, гармоника» А. Блока относится, как считает П. Руднев, к полиметрическим конструкциям (стр. 230). В этом стихотворении нет графического отделения и композиционного обособления разноразмерных частей, а представлен единый тип ритмического движения, основанный на сопоставлении форм четырехстопного ямба с мужской клаузулой и трехстопного с женской и дактилической клаузулами. Тут четырехстопник и трехстопник — не разные противостоящие друг другу размеры, а скорее ритмические вариации, образующие определенный тип ритмического движения в пределах единого стихотворного произведения. Точно так же я не вижу никакой полиметрии и в таких стихотворениях, как «Жизнь медленная шла, как старая гадалка», «Довлю дрожащие хладеющие руки» и «Ответ».

Все статьи стиховедческого раздела очень интересны и по материалу и по оригинальной его интерпретации, но размеры рецензии, к сожалению, не позволяют мне сколько-нибудь подробно остановиться на их содержании. И все же я хочу порекомендовать читателю работы Г. П. Антощенко, С. А. Рейсера, К. Д. Вишневого, Л. Н. Новинской, В. А. Саногова, В. С. Баевского, М. Л. Гаспарова. Тематика этих исследований обширна и разнообразна: акцентная структура дольников, строфика «Кому на Руси жить хорошо», становление трехсложных размеров в русской поэзии XVIII в., метрика Ф. Тютчева, стихотворная стилистика лирического цикла, относительная сила и значимость ударений в стихе альтернирующего ритма, цепные строфы в русской поэзии, — и везде авторам удалось сказать немало существенного и наметить пути плодотворной разработки этих актуальных стиховедческих проблем.

Заслуживают внимания также сообщения В. Бычкова, Ю. Аничкина и В. Зайончковской, помещенные в последнем разделе сборника.

В целом авторам и редакторам рецензируемой книги (гл. ред. — К. Г. Петров) удалось создать безусловно интересный и полезный сборник работ, и хочется пожелать, чтобы наметившиеся здесь объединение и координация исследовательских усилий в изучении поэзии получили дальнейшее плодотворное развитие.

*Кафедра эстетики и теории
литературы Донецкого университета*

Н. Т. Нефедов

Литературоведы социалистических стран о проблемах русской советской литературы

В славистском литературоведении европейских социалистических стран усиливается внимание к изучению различных проблем русской советской литературы. Значительная роль принадлежит в этом Секции славистики университета имени Фридриха Шиллера в Йене, возглавляемой профессором Гарри Юнгером. 17—19 октября 1967 года здесь была проведена международная конференция литературоведов-славистов на тему: «Образ человека в русской советской литературе», материалы которой представлены в рецензируемом сборнике¹.

¹ Das Menschenbild in der Sowjetliteratur. Herausgeber: Prof. Dr. habil. Harri Jünger Direktor der Sektion Literatur-und Kunstwissenschaft der Friedrich-Schiller-Universität Jena. 1969. Последующие ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы в скобках (в переводе автора статьи).

В конференции приняли участие 36 ученых из десяти стран: ГДР, СССР, Чехословакия, Болгарии, Польши, Румынии, Венгрии, Англии, Австрии и ФРГ. Литературоведческие проблемы обсуждались здесь в комплексе с вопросами эстетики и истории на уровне современного марксистского литературоведения.

«Советская литература сегодня стала необходимым учебником жизни для человечества, шагающего вперед», — сказал Г. Юнгер во вступительном докладе «Образ человека в русской советской литературе». Образ человека — важнейший исходный пункт литературно-исторического исследования. Он выступает как исторически изменяющаяся категория.

Доклад Г. Юнгера предопределил важные особенности конференции: ее полемичность по отношению к лжеистолкователям советской литературы и стремление к глубоким обобщениям литературного процесса, установлению объективных типологических явлений.

Юнгер дал отпор «советологу» из ФРГ, некоему Клаусу Менерту, который пытается фальсифицировать образ героя советской литературы. В его работах, публикуемых в ФРГ, советский человек сохраняет «натуральную основу, хотя Советам удалось укротить дикую первобытную силу». Заявлению Менерта о том, что русские отличаются «готовностью к подчинению» в отличие от европейцев с их критическим характером мышления, Юнгер дал достойный ответ: «Он забывает, что его антикоммунистические единоверцы готовы подчиниться появившимся фигурам ФРГ, а русские в это столетие совершили три революции» (стр. 29).

Заслуживают внимания интересные наблюдения типологических явлений в русской советской литературе, сделанные в упомянутом докладе Г. Юнгера и рефератах К. Каспера, В. Бейтца, Н. Тун, Г. Генова и других славистов. Они проанализировали последовательное историческое развитие основных художественных типов изображения человека в русской советской прозе 20—30-х и 50—60-х годов, рост их многообразия.

В советской прозе 20—30-х годов Юнгер отмечает два основных типа изображения человека: новеллистически-драматический и эпический. В первом случае выделяются заостренный конфликт и условная ситуация, свойственные произведениям Задубрина, Либединского, Вс. Иванова, Фурманова, Гладкова, Бабеля, ранним рассказам Шолохова, роману Фадеева «Разгром». Для второго типа характерны эпическая широта, сочетание «диалектики души» героя с изображением исторической эпохи. Герой вступает в эпохальный конфликт, действует в условиях значительных исторических событий. Высшим проявлением этого типа являются эпопеи Горького, Шолохова, А. Толстого, поэмы Вл. Маяковского (стр. 32—33).

К. Каспер (Лейпциг) проанализировал структурно-типологические общности в современном русском рассказе и повести. Для 50-х годов, по мнению докладчика, характерны две главные тенденции, тесно связанные с концепцией человека у писателя и методом социалистического реализма. В первой человек представлялся как социальное существо во всем богатстве и полноте его действий, чувств; во второй изображался «средний герой», человек в состоянии глубокого душевного конфликта. В малом и среднем эпических жанрах в начале 60-х годов развивается новая ведущая тенденция. Личность раскрывается, по мнению Каспера, в многообразии отношений к социалистической действительности. В этом многообразии Вилли Бейтц (Галле) видит, однако, три наиболее распространенных варианта. В «Судьбе человека» Шолохова, рассказах Тендрякова, Бакланова, Быкова герой действует в исключительной обстановке жизненного испытания. У Леонова, Пановой проблемы действительности рассматриваются через призму личного, интимного. Здесь большую роль играют чувства, ощущения, страсти. Нередко герой при этом показан в самораскрытии (Казаков, Катаев). Широкое распространение получило, наконец, соединение лирической прозы с мемуарным описанием современности. Эпоха здесь воспроизводится изображением нескольких жизней (Эренбург, Паустовский).

Хочется отметить содержательный реферат Нкты Тун (Берлин) — «Теории романа и его современные формы в русской советской литературе». Догматическим концепциям романа Оскара Вальцеля и Вольфганга Кайзера, сводящим все многооб-

разие этого жанра к «роману времени», «роману пространства», «роману персонажей», Тун противопоставляет точку зрения художников социалистического реализма, их творческую практику. Приводится интересное высказывание В. Катаева, опубликованное в журнале ГДР «Sinn und Form»: «Я считаю неправильным, когда писатель начинает с установления рода своего произведения. В моем представлении, все в большей или меньшей мере еще не готово. Гоголь назвал, например, свои «Мертвые души» — роман в новеллах — поэмой, что было не совсем правильным. Пушкин не называл «Евгения Онегина» поэмой, а романом в стихах... Твардовский поэму «Василий Теркин» назвал «книгой о солдате». Толстой нигде не говорил о «Воине и мире» как о романе. Писатель не должен определять свои формы...» (стр. 249).

Тун отмечает широту структурных форм и технических приемов современного романа, но подчеркивает при этом, что техника еще не исчерпывает всей проблемы. Главнейшую черту современного романа она видит в расширении его жанровых границ, в широте и свободе большой эпической формы, удобной для выражения многогранной жизни. Интересно ее обращение к творчеству Катаева в последние годы.

В рассказе о Ленине «Маленькая железная дверь в стене» Катаев, по мнению Туна, «открывает» новую повествовательную технику, названную ею приемом «абберации». Открытие оценивается как способность видеть и представлять изображаемое в неожиданном свете. Достигается это в рассказе смелой связью современных впечатлений и давно прошедших событий с изображением Ленина. Однако эксперимент Катаева в «Свечом колодце» Тун не считает удачей художника. Прием «абберации» заменяется здесь прихотливым и нередко субъективным сближением различных времен и пространств. Несмотря на удивительную пластичность изображения и выразительные детали, «книга в целом — искусная игра мастера, заставляющего различные приемы совершать песгрый таец» (стр. 249).

Несколько спорным представляется мнение Туна о книге Катаева «Трава забвения», в которой исследовательница видит «искусство синтеза», «сбалансирования» эксперимента в повествовательной технике, глубокую связь и сплавление социально разнообразных отношений действительности» (стр. 249).

Р. Ленцер (Берлин) отметил «новую ступень» художественного изображения в современной советской прозе и литературе ГДР. Поворотным пунктом изображения станвятся не внешние коллизии, а моральный и мировоззренческий конфликт. В этом плане сопоставлены повести Антонова «Разорванный рубль», Проскурина «Тихий, тихий звон» с произведениями К. Якобса «Дневник одного лета», Г. Канта «Актный зал», Оттоса «Время аистов».

Типология драматургического конфликта нашла освещение в реферате доктора Г. Шауманна (Иена). В драмах 20—30-х годов рождаются новые конфликтные типы, как непримиримые, так и разрешимые противоречия. Чаще всего новый конфликт выражается в отсутствии гармонии между личностью и обществом.

В отмеченных рефератах содержатся верные обобщения основных особенностей изображения характера в русской советской литературе. Но нельзя не отметить и некоторых упрощений сложного процесса литературного развития 20—30-х годов. Своеобразие его состояло в том, что литература от абстрактного выражения революционного героя, наблюдавшегося в ранней поэзии и прозе, начала переходить к более конкретному изображению нового человека. Имелись здесь и издержки. Обратной стороной абстрактной схемы человека был иногда и крайний натурализм.

Широкий эпический тип изображения человека начал появляться несколько позже. К «многоплановому реализму» (М. Горький) вели не только дореволюционный опыт русских классиков и прежде всего Горького, но и творческая практика Фурманова, Фадеева, Шолохова, Толстого. Человек эпохи величайшего преобразования начал изображаться в единстве с массой, росла эпическая монументальность, героем романа стал выступать коммунист — разумный, волевой и деятельный хозяин своей страны. Постепенно сходили со сцены характеры, раздираемые болезненными противоречиями.

Упрощенчеством отмечен реферат М. Арнаутовой (Прага) о тенденциях в современной русской поэзии. В стихах Андрея Вознесенского и Беллы Ахмадулиной

подчеркнуты две линии традиций в современной поэзии. Вознесенский своей экспрессивностью, суггестивностью ближе к Маяковскому, раннему Пастернаку, Хлебникову и Цветаевой. Стихи Ахмадулиной носят интимный, камерный характер, ближе к классической поэзии, традициям Пушкина, Блока, Ахматовой и позднего Пастернака.

Правильное определение типологических особенностей литературного процесса требует от литературоведа исследовательской широты и глубины, объективности и научной добросовестности. Исследователя может увести от истины какая-нибудь увлекательная, но предвзятая концепция, в результате чего типология обретает неверные очертания.

Этого, к сожалению, не избежали некоторые участники конференции, авторы положений, вызвавших острую дискуссию.

Таким, например, был реферат М. Новикова (Бухарест) об утверждении человеческой индивидуальности в тематике советской литературы. Докладчик подчеркивал, что в 20-е годы в нашей литературе утверждался идеал самоограничения человека. Он якобы выражался в трех линиях действий: патетической, романтико-саркастической и трагической. В лозунговой форме патетика выступала у Блока, Gladкова, Тарасова-Родионова. Романтико-саркастическая позиция бесперспективности видна у Эренбурга и Есенина, трагическая — у Бабеля, Шолохова, Фадеева. Последние якобы видели в трагическом главную особенность революционной действительности. Концепция Новикова, естественно, не получила поддержки.

В. Тимофеева (Ленинград) в своем выступлении отметила, что не ограничение и не развитие индивидуального было отличительной тенденцией советской литературы 20-х годов, а взаимосвязь индивидуального и коллективного. Эта тенденция главенствует и в современной советской литературе.

В. Бейтц увидел в докладе Новикова черты абстрактного гуманизма, пренебрежение историческими предпосылками.

М. Зарадка (Чехословакия) в многообразии русской советской прозы 20-х годов различает два основных типа: аналитический и синтетический. «Сингетики» изображали революцию как ответ на вопросы, поставленные ходом общественного развития, как правду с единственной альтернативой: или быть с революцией, или удалиться от нее. «Аналитики» считали революцию источником новых импульсов, началом неведомого процесса, гигантским общественным экспериментом. Для них новая действительность — поток вопросов, на которые нужно искать ответ. В качестве образца такой аналитической прозы докладчик представил «Конармию» И. Бабеля, где композиция в виде цепочки отдельных новелл якобы выражает аналитичность (стр. 169—170).

При внешней убедительности размышлений Зарадки они носят черты искусственности и надуманности. В творчестве многих советских писателей анализ и синтез развивались одновременно. Уже в начале 20-х годов суммарность художественного восприятия соединялась с исследованием фактов новой действительности. Нельзя при этом не вспомнить строчки из письма В. И. Ленина М. Горькому от 31 июля 1919 года: «...Надо наблюдать внизу, где можно обозреть работу нового строения жизни, в рабочем поселке, провинции или в деревне» (Полное собрание сочинений, т. 51, стр. 23—27).

Внимание к частным, отдельным явлениям создавало предпосылки для более широкого и обобщенного представления о революции, для поисков более целостных характеров. Такими были «Неделя» Либединского, «Виринея» Сейфуллиной, «Два мира» Зазубрина, «Разгром» Фадеева и многие другие произведения.

Революция понималась многими художниками не только как логическое, закономерное и необходимое явление, но и как начало сложного, доселе никем не изведенного процесса, где неизбежны трудности, успехи соседствуют с ошибками и неудачами. В этом аспекте весьма интересны наблюдения советских горьковедов Е. Тагера и А. Овчаренко о произведениях Горького начала 20-х годов («Заметки из дневника. Вспоминаания» «Рассказы 1922—1924 гг.»), в которых обнаруживается глубинное содержание — несбыточно сложный образ русского человека, находящегося в давней несоединимости с царским строем, его государственными и общественными устоями.

В какой-то мере это и было отмечено в интересном реферате Е. Мировой-Флорин (Берлин), которая отметила эволюцию горьковского героя в связи с кризисным моментом в жизни и творчестве писателя в 1917—1920 годах.

Участники конференции вполне обоснованно выразили сомнения в том, что проблематика ранней советской литературы может быть уяснена посредством лишь двух типов прозы, определенных Зарадкой.

Конференция, проведенная в Иене, наглядно показывает характер развития марксистско-ленинского литературоведения в европейских социалистических странах, его успехи и недостатки. Она свидетельствует о большом интересе литературоведов-славистов к важнейшим проблемам советской литературы.

Хорошо изданные Институтом славистики в Иене материалы конференции дают полное представление о ее научных рефератах и дискуссиях. Г. Юнгер в своем заключительном слове говорил с больших возможностей, которые открыл интересный обмен мнениями для дальнейшего изучения гуманистического характера советской литературы и развития марксистского литературоведения ГДР и других социалистических стран.

*Кафедра зарубежной литературы
Черновицкого университета*
